

Соб. Россия - 1996 - 25 июля

XXIII Фатьяновский фестиваль в Вязниках

НЕ СТОЛКНУМ НАШИ СОЛОВЬИ

В маленьком русском городе Вязники, на родине великого советского поэта-песенника Алексея Фатьянова, состоялся XXIII фатьяновский фестиваль.

На этот раз знаменитый фестиваль совпал с днем незначительного городка, каких тысячи на русских просторах.

Хотя в иные времена город Вязники гремел на всю страну именами своих героев. Двадцать три Героя Советского Союза — это, наверное, самая высокая в стране плотность мужества и патриотизма.

«Да что там говорить, были времена, были люди. Да теперь вот все как-то невесело. А вспомнить есть что, есть...» — говорит вроде с грустью, но улыбается открыто и доверчиво Михаил Иванович Панкратов.

Он приехал с женой на праздник из поселка Лукнова, известного прежде своей прядильной фабрикой имени Энгельса. Михаил Иванович говорит, что продукция на фабрике делалась серьезная — заказы для армии. Теперь-то понятно, все остановилось. А прежде ему тоже вот так, в день города, орден Трудового Красного Знамени здесь вручали, перед всем вязниковским народом. Сорок лет — на фабрике. Столько же — и жена. Пенсию, известно, сегодня не платят, как и всем. «Да ничего, — говорят они, — уже картошка своя пошла, ягода всякая. И то, что праздник в городе — это хорошо. Людям надо собираться вместе, душа просит радости. Какая же радость может быть в одиночку? У каждого — забот нерадостных полно. А вместе, глядишь, и ничего, живы вроде...»

Гремит духовой оркестр, и Михаил Иванович смекает: оркестр не переключил. Да и не хочется ни о чем говорить, когда играет музыка. Мальчишки 10—12 лет старательно, порой чуть-чуть фальшивя, и, может быть, от этого особенно трогательно, выдувают из медных труб русские вальсы и марши. Далеко-далеко, за излучиной Клязьмы, за лугами и лесом, ходят тучи и польхают зарницы. Там — гроза, здесь — солнце. И так — весь день: то дождь, то солнце, то смех, надежда и радость, то слезы.

И знаменитая фатьяновская поляночка, куда яблоку негде упасть, тоже весь день то солнечная, как в песне, то иссеченная дождем и ветром, как в жизни.

Народ собрался задолго до открытия праздника. Льет как из ведра. Никто и не думает уходить. Ждут. Уж не знаю, залетали ли в эти края месяц назад гастролеры из команды «Голосуй, или проиграешь». Смотрю, на одном парнишке — их майка, на другом — кепочка. А над майкой, а под ненашенского фасона козырьком — глазницы светлые и бездонные, каких в Москве и не встретишь. Без мути.

Над эстрадой — портрет Алексея Фатьянова молодой его поры, наверное, военной — с копной густых волос, с черными бровями ду-

гой. Рядом — лира с красной советской звездочкой. Оркестр все тот же, из мальчишек, выводит старательно и нежно, как просит душа: «В городском саду играет...». До чего ж нелепо, Господи помилуй, — сейчас все будет: и «Соловьи», и «На солнечной поляночке», и «Где же вы, друзья-однополчане...», а над поляной, над душой фатьяновских земляков, над городком, «где живет семья российского героя», — трехцветный власовский флажок. Эх, время-безвременье!

А праздник в этом году особый. Впервые лучшим русским поэтам, исполнителям, артистам на нем вручаются премии Фатьянова. Премия называется «Соловьи, соловьи». Первыми в истории фестиваля лауреатами стали певец и исполнитель Геннадий Каменный, поэты Константин Скворцов и Николай Мельников. Их песни и стихи в исполнении народных, в самом прямом, не титульном значении слова, артистов звучат на празднике рядом с бессмертными фатьяновскими. Ведет праздник патриарх советской песни Лев Ошанин. Много гостей знаменитых и пока еще не очень. Не передашь словами песню, талант, боль, любовь и надежду. А именно это было общее, главное, что собралось здесь людей — и на сцене, и на самой поляне. Вот только некоторые имена, судите сами: певица Татьяна Петрова, Анна Литвиненко, Татьяна Жданова, оперный певец Эйзен, ансамбли «Россияне», «Реликт», актриса Людмила Зайцева, поэты, литераторы, критики Лариса Баранова-Гонченко, Александр Михайлов, Александр Бобров, поэты из Ярославля, Иванова, Владимира... Почетным и самым дорогим гостем фестиваля была вдова Алексея Ивановича Галина Николаевна Фатьянова.

Несмотря на многолюдье, праздник вышел каким-то очень теплым и семейным, как будто собралась вместе вся большая родня. Кто-то стал знаменит, уехал в столицу, а кто-то так и остался в родном доме. Но разве от этого рвется нить родства и понимания? Нет.

Конечно, говорили о великом земляке — Алексее Фатьянове, чья поэзия создала целую эпоху в советском песенном искусстве, чьи песни давно уже стали народными. Они живут и помогают жить нам, сказала о них Людмила Зайцева. Они будут жить всегда, потому что в них — обещание близкого счастья, без которого нельзя даже в самое трудное время, говорил Александр Михайлов.

Ожидание счастья. Ожидание правды. Предчувствие будущей Родины, которая начинается здесь, и отсюда придут новые ее герои, певцы и поэты, праведники и труженики. Оглядываюсь вокруг: лица, лица... Лики. Нет ни пьяных, ни одиноких. Детишки прекрасны и радостны: праздник! Достоинны женщины, надежны мужики. Пришли сюда семьями, со стариками, сватами, новостками и зятями, с малышкой... Не растративший себя, не забывший народ. С утра до вечера в

Вязниках — праздник! И нет больше для них сериалов, и нет клипов и хитов, нет пепси, и нет ничего наносного, инородного в земляках поэта, в наших людях. Пока на молниях — платья из Турции. Стоят свои, вязниковские фабрики. Пока в руках у детей — «ice cream» вместо мороженого. Но и щекастый малыш в коляске, и длинноногие березки-девочки, и матери их, и деды — русские люди, и все они, все сегодня слушают русские песни, высокую русскую речь. Перед лицом своего поэта, перед лицом своих лугов и берез!

Мне рассказали вязниковцы, что с годами меняются фатьяновские фестивали. Раньше — ого! — от телевидения центрального, от всяческой прессы, кобзонов и пьех в глазах здесь рябило. Сегодня — иначе, сегодня как-то проще, роднее, тревожнее. И тем нужней.

Сегодня присутствие, выступление на этом народном патриотическом празднике бесплатно, под дождем, на ветру — поступок. И организация его в безденежье, в безвременье тоже немало стоит. Как бы там ни случилось дальше, что бы ни было впереди, городской глава Евгений Виноградов, показалось мне, скорее поста лишится, чем оставит людей без этого праздника.

Слово Фатьянова, душу его несут, как волна, на себе — к людям — мелодия, песня, живой человеческий голос. И первый лауреат его премии Геннадий Каменный начал свое выступление, конечно же, с «Соловьев». Пожалуй, никого — не в обиду другим — так не ждали здесь, как Каменного с его баяном. Какие-то приподдавшие старики за моей спиной все волновались: не выступал ли уже Геннадий. «Нет еще», — отвечаю им. Успокоились, уселись чинно и основательно. А потом, уже после концерта, люди растроганно жали ему руку за новую песню Николая Мельникова «Поставьте памятник деревне». «Во-о-н, гляди-ка, за Клязьмой, за лугом — деревни, — говорили ему. — Это — о них. Это — о нас. Спасибо!»

И был на фестивале сюрприз. Из Гусь-Хрустального привезли специально к этому дню изготовленных хрустальных соловьев. Поднялся Евгений Виноградов: «Земляки! Вот прямо сейчас поступило предложение: утвердить премию для русского соловья Татьяны Петровой!». Земляки ладони аж до красноты бьют. Ветер налетает, гонит с неба ненастье, и березы зелеными листьями радостно вторят людям. Справедливо, заслуженно, искренне, по душе и таланту — народное признание. Знаю: в Вязниках и вокруг жизнь трудна, почти безнадежна. Далеко-далеко от светлой даже в дождь фатьяновской поляны, на тысяче верст по России — одна беда. Но именно здесь, не в глубинке, а в глубине страны, живет народ, искренний и светлый, как слова его поэтов, как голос его певцов. Он есть и пребудет вечно, если поет и не забывает слов.

Жанна КАСЬЯНЕНКО.
Фото Д.Дебава и Б.Соколова.

Песни Николая Мельникова, молодого, но уже хорошо известного и любимого многими поэта, исполнялись на фестивале. Лауреат премии «Соловьи, соловьи» он, как и Фатьянов, тоже родом из глубины России — из маленькой брянской деревни.

Три его стихотворения-песни мы дарим нашим читателям.

Н. Мельников

Поле Кулаково

Высока ковыль-трава поля Кулакова, будто нам для вечных снов выстелен ковер, покидая отчий дом, мы давали слово — лучше встретить смерть в бою, чем нести позор!

Скоро поле тишины станет полем брани, скоро ночь уйдет долой, унося туман, скоро конья зазвенят в чужеземном стане, и взойдет в синеву знамя у славян!

Исчерпалось до конца русское терпенье, встанем, братья, в полный рост на земле родной, — не впервой нам принимать ратное крещение и из пепла воскресать тоже не впервой.

Наша слабость — наша рознь — в прошлом остается, путь раздоров и обид мы прошли сполна... Упаси нас впредь, Господь, меж собой бороться, коли Родина одна нам навек дана.

Пусть поможет острый меч да скакун крылатый, не скорбите ни о чем в этот светлый час! С нами Бог! За нами Русь! Наше дело свято, кто останется в живых, тот помянет нас!

1992 г.

Поставьте памятник деревне

Поставьте памятник деревне на Красной площади в Москве, там будут старые деревья, там будут яблоки в траве.

И покосившаяся хата с крыльцом, рассыпавшимся в прах, и мать убитого солдата с позорной пенсией в руках.

И два горшка на частокале, и пядь неспаханной земли, как символ брошенного поля, давно лежащего в пыли.

И пусть поет в тоске и боли непротрезвевший гармонист о непонятной «русской доле» под тихий плач и ветра свист.

Пусть рядом робко встанут дети, что в деревнях еще растут, — наследство их на белом свете все тот же черный, рабский труд.

Присядут бабы на скамейку, и все в них будет, как всегда, — и сапоги, и телогрейки, и взгляд, потухший... в никуда.

Поставьте памятник деревне, чтоб показать, хотя бы раз, то, как покорно, как беззвечно деревня ждет свой смертный час.

Ломали кости, рвали жилы, но ни протестов, ни борьбы, одно лишь «Господи, помилуй!» и вера в праведность судьбы...

Поставьте же памятник деревне! на Красной площади в Москве! Там будут старые деревья и будут яблоки в траве.

1995 г.

Песня Победы

Добивают Россию предатели, а она все жива, непокорная, и последнем своем издыхании упоая на помощь Господнюю, но спасенье придет — обязательно! Канет в Лету эпоха позорная, канет в Лету эпоха страдания, истерзавшая душу народную!

Который день, который год страна моя во мгле, как будто бедный мой народ не на своей земле, без объявления войны нас ловко взяли в плен, но Бог велик, и скоро мы поднимемся с колен!

Поглумись над нашей славою — все распордано, все в разорении, слово «русский» теперь — запрещенное, и «Отечество» — слово запрещенное, — чтоб не быть нам Великой державою, чтобы жить нам в грязи и в презрении... Поднимайся же, племя крещеное, и скажи свое слово ответное!

Который день, который год страна моя во мгле, как будто бедный мой народ не на своей земле, без объявления войны нас ловко взяли в плен, но Бог велик, и скоро мы поднимемся с колен!

Смут великих мы видели множество и стояли над бездной глубокою, но единством и верой Христовою находили дорогу спасения... И тогда — трепетали ничтожества, кто — бежал в заранию далекую, кто — вставал под секиру суровую, а ныне... просили прощения...

Который день, который год страна моя во мгле, как будто бедный мой народ не на своей земле, без объявления войны нас ловко взяли в плен, но Бог велик, и скоро мы поднимемся с колен!

1994 г.

...Ведь завтра снова будет бой. Уж так назначено судьбой (А. Фатьянов)